

**ОБРАЗ БОГА И СВЯТОСТЬ ТРУДА
В ТРАДИЦИОННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
БЕЛОРУСОВ
(по материалам социально-бытовых сказок)**

Любой этнос формирует свое самосознание на грани трех времен. Так, традиционную этническую культуру прошлого века олицетворяет миф о золотом веке; настоящее связано с повседневностью, проигрывающей при сравнении с сакрализованным прошлым; и, наконец, будущее связано с достижением этнокультурного идеала, причем этот идеал всегда – в большей или меньшей степени – адресован к тому же, хотя и улучшенному, еще более усовершенствованному сакрализованному прошлому – золотому веку.

Но вряд ли этот идеал существовал и создавал бы интенциональное поле побуждений и действий этноса, не будь он запечатлен в сакральных образах. Эти образы, отправляясь от канонических религиозных, общих для многих народов, в конкретном этносе всегда преломляются в соответствии с условиями и правилами его бытования, олицетворяя этнические ценности, которые, с точки зрения этноса, наиболее императивны в отношении достижения этнического идеала. В результате анализа белорусских социально-бытовых сказок и ряда легенд можно четко определить наиболее побудительный и в смысле достижения высшего совершенства, и в смысле повседневной трудовой и моральной практики идеальный образ традиционной белорусской культуры. Это образ Бога.

В народном сознании этот образ полисемантичен и поливалентен. Так, в сказках встречается "деистический" образ Бога, который создал людям землю и все, что на ней, а себе – небо, а затем скрылся на небе от человеческих грехов. Существует и "апокрифический" образ Бога, свойственный многим традиционным культурам. Такой "Бог справядлівы, але вельмі сярдзіты. Ён ліхому ніколі не спусціць, ніколі не даруе" [6, с. 236]. Тут же "местными средствами" решается проблема теодицеи: "Бог, каб захацеў, та б ўсіх чарцей і ўсялякую нечысць да плюгаўство звёў бы са свету, але гэтага не робіць, каб на людзей быў страх, а то

б яны і Бога забылі б" [там же]*. Существует и "трансцендентный" образ Бога: легенда настаивает на том, что есть просто бог и есть Бог над Богами [2, с. 40]. Бог над богами, в отличие от "просто богов" (языческих), не имеет выраженного антропоморфного обличия, скорее, он тождествен Року, Фатуму. Существуют, наконец, и "багі" – первичные мифологические образы, олицетворения, персонифицирующие силы природы, часть из которых впоследствии, при принятии христианства, трансформируется в "нечистиков". Но наибольшей распространенностью и цельностью отличается образ *Крестьянского Бога* (Бог как культурный герой) [7, с. 142]. Именно с ним связаны сотворение мира и человека, приучение человека к труду и оформление *трудового этоса*, который составляет суть жизни белорусского крестьянина.

"Перш людзі былі вельмі дурныя; нічога не ўмелі рабіць" [4, с.105]. Потому Христос с Богородицею ходили по земле и учили, "як на сьвеце жыць, як абрабляць зямлю, каб кожная рэч ішла на патрэбу чалавеку" [там же]. Тем самым не только труд, но и практицизм признается угодным Богу. В этой сказке Христос сам делает соху, хомут, молотилку и учит Мужика ими пользоваться. Таким образом Бог санкционирует *отношение к миру как к хозяйству*, а следовательно, и особое почтение к крестьянскому труду. Все остальные виды деятельности уязвимы.

Так, в сказке "Стралец і рыбак" братья отказываются от выверенного отцовского пути – земледелия. Один становится охотником: "Людзі ідуць на работу, а ён ускіне стрэлбу на плечо да й шмык у лес або ў балото. Цягаецца там увесь дзень, а прыдзе да гасподы з пустымі рукамі да галодны бы воўк" [4, с. 74]. Обратим внимание на противопоставление людей, которые идут на работу, и охотника, чье занятие работой не признается. Второй брат "дзень і ноч седзіць на рацэ да вудзіць рыбу. Наловіць ён шапку бабуроў ці плотак – якая там хаджайству карысь?" [там же]. Немудрено, что по старости отца хозяйство настолько "прохудилось", что и старца-путника (наиболее распространенное в белорусской сказке обличие Бога) угостить нечем. И странник делится с сыновьями своей милостыней и собственным здравым смыслом: "Дак от бачыце, ён (отец. – *Курсив наш*) стары, да гаспадаркаю карміўса сам і карміў вас, а без гаспадаркі вы й маладыя да здаровыя не можэце пражыць" [4, с. 76].

* Здесь и далее в цитатах из сказок сохраняются их языковые особенности.

Работа, которая может принести плоды, а может и не принести, "не настоящая", ибо в гораздо меньшей мере, нежели сельское хозяйство, зависит от повседневных усилий и правильной (данной Богом в процессе обучения человека) последовательности действий. Она ненадежна. Белорус же во всем ищет *надежности* и последовательности. Потому и "стралец", и рыбак (и другие сельские "профессионалы" – кузнец, мельник, "лягчай") народным сознанием устойчиво связываются с чертом в противовес Мужу, который занимается святой работой. Вероятно, значительную роль здесь играет и связанный с этими профессиями образ Чужого. Нашу мысль подтверждает А.К.Киркор: "С незапамятных времен все громадные рыбные озера Витебской Белоруссии берутся в аренду и облавливаются исключительно сумрачными "Осташами", которых суеверный туземный народ считает колдунами и чертовыми братьями... Одна легенда рассказывает, что самого черта видели в образе Осташа, т.е. рыбаком в кожаном фартуке, с широкой бородой и круглым красным лицом" [1, с. 446]. О том же свидетельствует и образ охотника, в ряде сказок продающий или желающий продать душу Черту.

Однако в случае непослушания и выбора человеком непродуктивной антикрестьянской (*и антихристианской*) работы Крестьянский Бог ведет себя подобно другому герою фольклора – Старому Батьке. Он не насылет на непослушных людей громов и молний (подобно языческому Перуну или св. Илье в белорусской мифологической модификации), а позволяет событиям развиваться своим чередом и тем самым помогает людям учиться на их ошибках. Бог не настаивает и не требует: Он дает совет, и этому совету должен подчиняться не только человек, но и сама Судьба (Доля).

Так, в одной из сказок женщина, напоившая захожего Бога (в образе странника) квасом, в награду излечивается от бесплодия. Ей снится: высокая гора (образ рая), на ней гуляют три девушки – три Доли. Одна плетет венки из чертополоха и осота, вторая – "з калікак да вецця", третья – из ржи и пшеницы с цветами. Девушки спорят, кто из них достанется зачатому ребенку. "Нарэшце-такі дагадаліса зрабіць так, як Бог вяліць". С этой целью бросили вверх цветок. Его поймала третья. Родился мальчик и прожил счастливую крестьянскую жизнь [6, с.285]. Как это часто бывает в белорусских сказках, здесь тесно переплетаются культурные смыслы народа: и награда за милость по отношению к беспомощному старику (ведь

женщине невдомек, что она поит квасом самого Бога), и отношения Бога и Доли, и фатализм написанного "на роду", и апелляция к Богу в ситуации, где надо сделать выбор. Особого внимания заслуживают два положения.

Первое. Бог сильнее Доли. Сравним с греческим мифом об Эдипе, где античный Рок стоит над богами. Вероятно, обратные отношения Бога и Доли связаны с христианским монотеизмом. Это может толковаться и тем, что Доля предстает в облике женщины, а Бог – в виде умудренного жизнью мужчины. Второе важное наблюдение связано с моделями будущей жизни, символическими венками девушек: венок из осоки и чертополоха предполагает жизнь рыбака или путешественника; венок из колючек и веток – охотника; венок из ржи, пшеницы и цветов – крестьянина. Бог однозначно дает понять, что именно последний род занятий предпочтителен. Таким образом, как и в сказке "Стралец і рыбак", именно крестьянский труд предстает в качестве "Божеского". Обратим внимание и на то, что в венок вплетены цветы: это значит, что крестьянская работа предполагает не только труд без отдохновения, но и сопряженную с ним радость пребывания человека в прекрасном мире: "Пасе ён гусі да разглядвае Божы сьвет, а кругом так гожа, так радасно. Яснае сонейко свеціць і хукае, бы на дзіцятку родная матка. Ветрык ціхенько калышэ зялёнае вецце на вербах, рака блішчыць праз рэдкіе кусты алешніку, бы тое люстэрко..." [4, с. 213]. Таким образом Бог косвенно (посредством цветка) указывает не только наиболее достойный, но и наиболее радостный способ проживания жизни – труд на земле. Как видно из сказки (и не только из этой), Бог не всегда дает рекомендации в явной форме. Напротив, он предпочитает *окольный путь* – символическую форму выражения. Дело Бога – "зашифровать" мир, дело человека – раскодировать, извлечь заключенный в символическую форму смысл и найти достойный императив действия и поведения.

И, наконец, последний штрих к личности Крестьянского Бога – идеального образа белорусских сказок. При их анализе обращает на себя внимание старость – признак, свойственный Богу во всех традиционных культурах и традиционно же трактуемый исследователями как символический синоним мудрости и всеведения. Отметив связь между образами Старика-крестьянина (Старога Бацькі) и Бога, тем не менее мы полагаем, что этим пониманием образ Бога-старика не исчерпывается. Старость

предполагает не только мудрость, но и немощь, а странническая судьба – не только свободу, но и бесприютность. При таком взгляде образ Бога приобретает дополнительные оттенки, связанные уже не с Его культурными функциями, а с обязанностями человека относительно Него. Если мы обратимся к библейской идее: "Вы мои свидетели, и я ваш Бог", – то обнаружим, что ее трактовка в белорусской крестьянской повседневности сопрягается с тезисами религиозных мыслителей XX в. Так, М.Бубер утверждал, что эта максима означает следующее: если (или пока) вы мои свидетели, то я – ваш Бог. В этом смысле неверующий человек, губя Бога в себе, уничтожает Его в более широком, глобальном смысле – в качестве Бога. А М.Шелер утверждал, что "становление Бога и становление человека с самого начала взаимно предполагают друг друга" [8, с.94]. Тем самым личностная деятельность человека служит осуществлению не только его самого, но и Бога. Подобные идеи мы встречаем и у Антония Сурожского, и у других православных теологических антропологов.

Этот мотив нужды Бога в человеке прослеживается в белорусских сказках и легендах в прямом, конкретном виде: если человек не накормит Бога, Он будет идти по земле голодным; если не угостит Его квасом или хотя бы водой, то Он будет мучиться жаждой; если не даст ночлега, Он будет спать под чистым небом. Тем самым слова: "Што чалавек без Бога? – Тфу! да й толькі. Сягоднечы – гад, а заўтра – падло, ат якога толькі нос верне" [6, с. 236], – помимо прямого, приобретают и переносный смысл. Человек без Бога – "падло" не только потому, что не выполняет заповедей, но и потому, что лишает себя высшего права – заботы об идеале.

1. *Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Литовское и Белорусское Полесье.* – Мн., 1993.

2. *Легенды і паданні / склад М.Я.Грынблат, А.І.Гурскі.* – Мн., 1983.

3. *Сацыяльна-бытавыя казкі / пад рэд. В.К.Бандарчыка.* – Мн., 1976.

4. *Сержпутоўскі А.К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета.* – Мн., 2000.

5. *Сержпутоўскі А.К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў.* – Мн., 1999.

6. *Сержпутоўскі А.К.* Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. – Мн., 1998.

7. *Чернявская Ю.В.* К вопросу о модификации христианских ценностей в традиционной культуре белорусов (по материалам народных сказок) // Свято-Михайловские чтения "Православие и современность". 17–19 ноября 2005 г.: доклады и тезисы. – Мн., 2005. – Ч. 1. – С. 141–145.

8. *Шелер М.* Избранные произведения. – М., 1994.

БИБЛИОТЕКА БГУКИ